

Отзыв

официального оппонента на диссертацию Кукушкина Игоря Алексеевича «Материальная культура, социальная организация и мировоззрение населения Центрального Казахстана в эпоху бронзы (по материалам погребальных комплексов середины XIX–IX/VIII вв. до н.э.)» представленную на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.3. Археология

Территория Центрального Казахстана является регионом, где в бронзовом веке проходили процессы культурогенеза, оказавшие серьезное влияние на события, происходившие как на территории Центральной Азии, так и Южной Сибири. Материалы, представленные в диссертации Игоря Алексеевича Кукушкина, позволяют внести существенные коррективы в сложившиеся к настоящему времени представления о происходивших в древности процессах.

Целью исследования И.А. Кукушкина является комплексное изучение особенностей погребального обряда, материальной культуры, культурогенеза, социальной структуры и мировоззренческой сферы древнего населения Центрального Казахстана, развивавшегося в широком хронологическом диапазоне бронзового века. Поставленная цель решается посредством семи задач, реализацию которых автор демонстрирует в своём диссертационном исследовании. Диссертантом четко определены предмет и объект исследования.

При подготовке диссертации использовались данные, полученные как из открытых источников, представленных монографиями, научными статьями, авторефератами кандидатских и докторских диссертаций, так и из научных отчетов. В своей работе И.А. Кукушкин использует материалы раскопок 1488 погребений эпохи палеометалла, которые относятся к алакульской (1015), нуринско-фёдоровской (251) культурам и памятникам поздней бронзы (222). Стоит отметить, что значительная часть представленных в диссертации археологических памятников была изучена при участии автора, проводившего полевые исследования на протяжении более чем 35 лет.

Актуальность диссертационного исследования И.А. Кукушкина заключается в использовании им комплексного подхода, позволившего проанализировать три сферы деятельности древнего населения Центрального Казахстана, а именно материальную культуру, социальную структуру и мировоззрение. При этом основной акцент в данных исследованиях был сделан на изучении высокостатусных и социально-значимых памятников и материалов.

Новизна исследования заключена в том, что впервые обобщены результаты исследований, связанные с изучением тафокомплексов бронзового века, которые были осуществлены в Центральном Казахстане за последние 20 лет, а также значительной части материалов предшествующего периода, находящихся в открытом доступе и архивных фондах. Благодаря системному анализу удалось разделить раннеалакульские погребальные комплексы на две стадии – раннюю, соответствующую петровскому этапу, и позднюю, характерную для памятников нуртайского типа. Установлено, что в формировании раннеалакульских комплексов Центрального Казахстана наряду с петровским компонентом, определенную роль сыграли и группы раннесрубного населения.

Дана характеристика алакульской погребальной архитектуры, обряда погребения, расположения отдельных категорий инвентаря, сопроводительных захоронений лошадей и ритуальных комплексов, а также весьма убедительно показано их происхождение и эволюция. Особое внимание автором было уделено распространению в алакульском погребальном обряде признаков социального расслоения (появление колесничных традиций и различных по статусу захоронений, находки престижных вещей, таких как наконечники копий, псалии, булавы и пр.).

Для каждой категории инвентаря приведён широкий спектр аналогий, а также показана и эволюция женского костюма по этапам развития алакульской культуры. Автор констатирует, что относительный минимализм женских украшений на петровском этапе сменяется значительным расширением ассортимента в нуртайское время и период классического алакуля.

И.А. Кукушкин, опираясь на данные археологии (20 курганов с проявлениями ярких признаков колесничной символики, изученных в составе 11 алакульских некрополей), а также привлекая информацию из Авесты, Ригведы и наскального творчества древнего населения Центральной Азии реконструирует тактику колесничного боя. Показана и эволюция представлений алакульского населения применительно к захоронениям колесничих (синташтинская культура - помещение колесницы и упряжных лошадей в могильную камеру; ранний алакуль - колесницы остаются в погребальной камере, а лошади выносятся на поверхность; развитый и поздний алакуль - полный отказ от погребальной повозки при сохранении принципов подкурганного захоронения парных лошадей, но уже расположенных за пределами могильного пространства).

Автором диссертации вообще достаточно полно раскрыт вопрос, посвящённый колесничному комплексу в целом и системе управления лошадью в частности. Интересными в этой связи представляются выводы И.А.

Кукушкина об отказе алакульских коневодов от металлических элементов оголовья и переход в дальнейшем к использованию роговых псалиев, а также об использовании ими органических материалов, скорее всего кожи для создания механизма управления лошадью.

Для проведения социальных реконструкций И.А. Кукушкин использовал достаточно репрезентативный источниковый фонд (1912 погребальных сооружений и 1118 погребенных индивидов из 47 могильников). Внушает доверие и применение исследователем в этом процессе маркеров социальной ранжированности (параметры и специфика погребальных конструкций) и социального статуса (особенности и предназначение сопроводительного инвентаря, наличие дополнительной атрибутики, указывающих на место в общественном сегменте и сферу деятельности умершего). Результатом изысканий И.А. Кукушкина в данном вопросе стало обозначение тенденции в эволюции социальной структуры алакульского общества, выразившейся в снижении его военизированного характера, утрате воинами-колесничими своего значения, что предполагало формирование иных социальных институтов, востребованных обществом, и изменение маркеров социальной ранжированности на менее очевидные.

Интерес представляет и попытка И.А. Кукушкина осуществить реконструкции религиозно-мифологических представлений «алакульцев». Сложность реконструкций в данной сфере по материалам археологических памятников очевидна. Это усиливается и выводом самого исследователя о том, что петроглифические персонажи в виде зоо-антропоморфных изображений совершенно отсутствуют в предметном мире ритуально-обрядовой практики андроновского общества. В сложившейся ситуации основную информативную роль играет погребальный обряд, детализация которого указывает на глубокие мифо-ритуальные традиции, сформировавшиеся в мировоззренческой сфере общества. В этом качестве, по наблюдениям диссертанта выступают погребения с каменными и медными булавами, символика лука и стрел, семантика обряда погребения (поза погребенных, предназначение керамической посуды в погребениях), погребальных сооружений, жертвенников, парных (реже тройных) однополых, разнополых и биритуальных захоронений, женского погребального костюма. Важным представляется и заключение диссертанта, основанное на проведенном им анализе погребальных традиций алакульского населения о том, что политеизм древности – это не статичная, «окаменевшая» структура, а динамично развивающаяся мировоззренческая система, демонстрирующая последовательные этапы социально-экономической трансформации самого общества. С этим безусловно можно согласиться.

В процессе изучения нуринско-фёдоровских погребальных памятников (41 могильник, в составе которых исследовано 151 погребальное сооружение, содержащее 246 захоронений) автором выделено три основные группы погребальных сооружений: крупные погребальные комплексы крайне высокого социального статуса, курганные сооружения усредненных параметров повышенного социального уровня и захоронения рядовых общинников, совершенные в простых оградах. Выделенным группам дана подробная характеристика, включающую в себя не только описание самих погребальных сооружений, но и находящихся в них захоронений.

Заслуживают интереса следующие наблюдения и предположения автора:

1) об отсутствии у нуринско-фёдоровского населения в технологии строительной кладки при сооружении оград жесткой привязки к слоящимся породам камня (в отличие от алакульского населения), что, в целом, позволило освоить более обширные степные пространства; 2) о причинах сплошной «ограбленности» фёдоровских могил, которая частично объясняется автором проведением постпогребального обряда, направленного на освобождении души умершего по завершении разложения останков; 3) о том что ключевой маркер элитарности нуринско-фёдоровских социально-стратифицированных памятников выражался не столько в наличии богатого сопроводительного инвентаря и крупных размерах погребальных камер (как в алакульское время), сколько в масштабности и сложности надмогильных сооружений при проведении курганоустроительных работ; 4) о выделении региональных особенностей нуринско-фёдоровской культуры, включающих различия в конструкции погребальных камер, дифференцированных на четыре группы.

Находки отдельных деталей женского гарнитура с привлечением близких аналогий, в целом, позволили автору достаточно полно и достоверно провести реконструкцию предполагаемого женского костюма, характерного для носителей нуринско-фёдоровской культуры Центрального Казахстана.

Говоря о генезисе нуринско-фёдоровской культуры, И.А. Кукушкин критикует идеи сторонников её автохтонного происхождения. По его мнению, формирование данной культуры связано с процессами выделения из оседло-земледельческой среды в большей мере скотоводческих общин, происходившими на территории Южного Казахстана и Средней Азии. В качестве основной причины происходивших изменений называется наступление ксеротермического периода на рубеже III–II тыс. до н.э. с последовавшей аридизацией климата. Определённое воздействие на культурогенез фёдоровского населения оказали, по мнению автора и пережиточные ямные традиции, которые отмечаются в погребальном обряде.

Высказанная И.А. Кукушкиным гипотеза аргументируется знакомством «фёдоровцев» с достаточно развитыми традициями строительной техники, отмечаемая при сооружении погребальных конструкций, а также гидротехнических сооружений, земледельческими орудиями труда и т.п. Исследователь также реконструирует пути расселения фёдоровских племён с территории Южного Казахстана и механизм поглощения позднеалакульских групп. В целом модель фёдоровского культурогенеза, предложенная И.А. Кукушкиным выглядит достаточно обоснованной и аргументированной.

Социальные реконструкции осложняются по мнению автора ввиду тотальной нарушенности нуринско-фёдоровских погребений, крайне аскетичных норм погребального обряда, а также широкого распространения традиции кремирования умерших. Тем не менее, автору диссертации удалось сделать весьма интересные, хотя и не бесспорные выводы: 1) о том что основой экономической деятельности населения нуринско-фёдоровской культуры являлось комплексное скотоводческо-земледельческое хозяйство при фактически полном отсутствии встроенного в общественную систему военизированного сегмента; 2) о широком распространении солярного культа, занимающего господствующее положение в мировоззренческой сфере нуринско-фёдоровского общества; 3) о теократическом принципе организации общества, разделённого на три слоя.

Относительная бедность инвентарем выделенных И.А. Кукушкиным элитных захоронений объясняется им тем фактом что нуринские правители, очевидно, не обладали какой-либо значительной реально выраженной личной собственностью (за исключением золотых серёг с раструбом). Соответственно предполагается не экономическая, а исключительно социальная ранжированность нуринско-фёдоровского общества. Также для определения уровня социальной ранжированности между рядовыми погребениями и социально-стратифицированными сооружениями И.А. Кукушкиным были просчитаны реальные трудозатраты по проведению курганоустроительных работ на крупных объектах. Результаты этих расчетов выглядят вполне достоверно.

Значительный интерес представляют и наблюдения исследователя о структуре расселения нуринско-фёдоровского населения по территории Центрального Казахстана. И.А. Кукушкин отмечает, что своего рода центрами такого расселения являлись могильники с высокостатусными курганами, расстояние между которыми составляет 100–150 км. Элитарные курганы маркировали собой сакральные и политические центры, распространявшие свое влияние на подконтрольную территорию, населенную сплоченными родовыми коллективами. Предполагается и наличие своеобразных

андроновских «Герр», в местности Жамантау где проводились захоронения наиболее почитаемых членов общества.

Исследование памятников периода поздней бронзы Центрального Казахстана, осуществлялось автором диссертации в рамках двух самостоятельных культур (саргаринско-алексеевской и бегазы-дандыбаевской). В рамках изучения погребального обряда определены основные три группы и десять типов погребальных сооружений, представленных в некрополях поздней бронзы. На основании предложенной типологии погребальных сооружений, анализа сопроводительного инвентаря, а также расчёта реальных трудозатрат по возведению социально-значимых объектов был сделан вывод о стратифицированности общества этого периода, которое состояло из родовой аристократии, конных воинов-скотоводов, ремесленников, занятых в литейно-металлургическом производстве, деревообрабатывающей сфере, косторезном деле, а также других отраслях общинного хозяйства. Автором установлено, что в основе формирования социально-ранжированного саргаринского общества и, прежде всего, аристократического слоя, лежал символический образ вооруженного всадника, ставшего главным новационным феноменом позднего бронзового века, что было подчеркнуто и дополнительными элементами ритуального характера

Была констатирована многокомпонентность саргаринско-алексеевской культуры, происхождение которой связывается с экспансией в казахстанские степи с территории Восточной Европы позднесрубного населения. Успех миграционной экспансии «срубников» объясняется И.А. Кукушкиным использованием лошади под верховую езду, наличием у них легковооруженной конницы, а также применением передовой новационной тактики ведения боя, с использованием так называемого, «скифского» лука, массивных узколезвийных вислообушных бронзовых топоров на удлиненных рукоятях, приспособленных для рубящих ударов с верховой лошади, ножей-кинжалов «киммерийского типа» с кольцевым упором.

Изучение И.А. Кукушкиным погребального обряда, позволило провести реконструкцию расселения саргаринско-алексеевского населения на территории казахских степей, а также обозначить эволюцию системы управления. Так к периоду «великого переселения», соответствующего времени складывания саргаринско-алексеевской культуры на территории Центрального Казахстана, автор относит формирование некого союза 5–6 крупных племён, сакральными центрами которых, по его мнению, выступали высокостатусные мавзолеи. С окончанием этого процесса происходит существенное ослабление и деградация первоначально сложившейся властной вертикали и связанных с ней институтов. Наступает период общей

децентрализации управленческих структур и дробления племен на более мелкие родовые подразделения. Обозначенный период, согласно приведённой реконструкции, сопровождался активными контактами «саргаринцев» с населением оседло-земледельческих оазисов юга, что сопровождалось появлением в степной зоне нарядной дандыбаевской посуды и добротной станковой керамики.

Значительная серия полученных радиоуглеродных датировок позволила автору диссертации выстроить довольно корректную хронологическую шкалу для памятников алакульской культуры, определить время бытования нурынско-фёдоровских древностей, уточнить временные рамки развития позднебронзовых комплексов на территории Центрального Казахстана.

На защиту И.А. Кукушкин выносит семь положений. Каждое из них обосновывается в диссертации и не вызывает возражений. Рукопись диссертационной работы имеет внушительные размеры – 783 стр. Она состоит из двух томов. Первый том – основной текст (519 стр.). Второй том – Приложения (264 стр.). Структура диссертации логически обоснована. Первый том состоит из введения, четырёх глав с выделенными в них параграфами, заключения, списка сокращений, а также источников и использованной литературы. Второй том состоит из девяти Приложений (рисунки, фотоиллюстрации, спектральный и металлографический анализ (выполнен С.В. Кузьминых и А.Д. Дегтярёвой), статистические данные, палеозоологические определения (выполнены Л.Л. Гайдученко), радиоуглеродное датирование (67 радиоуглеродных датировок), антропологические определения (выполнены В.А. Дрёмовым и К.Н. Солодовниковым), исследование текстиля (осуществлено О.В. Орфинской), технико-технологический анализ керамики (выполнен В.Г. Ломаном).

Автор достаточно всесторонне подходит к анализу археологических памятников, представленных в диссертации. Подробно рассматривается их географическое положение, топография, ландшафтное окружение. Важно отметить, что исследователем проводится статистический анализ различных характеристик, исследуемых им тафокомплексов, что позволяет обосновать последующие выводы.

И.А. Кукушкиным проделана огромная работа по систематизации и интерпретации материалов бронзового века Центрального Казахстана. Степень обоснованности выводов автора и их достоверность не вызывают сомнений. Тем не менее, несмотря на фундаментальность проведённого исследования возникают некоторые замечания и пожелания:

1. В первой главе «История изучения памятников бронзового века Центрального Казахстана» выводы (с. 56-57) недостаточно полно раскрывают

её содержание. Учитывая, что тема диссертации И.А. Кукушкина обширна как в культурно-хронологическом, так и в содержательном планах, а приведённый историографический обзор носит зачастую характер краткой характеристики работ различных авторов, выстроенных по хронологическому принципу, не создается ощущение целостности этой части диссертационного исследования. Чувствуется некоторая незавершённость.

По нашему мнению, глава смотрелась бы гораздо сильнее если бы автор диссертации провел сравнительный анализ взглядов исследователей по различным вопросам, затрагиваемым им в диссертации (хронология, периодизация, культуригенез, социальные и идеологические реконструкции, миграционные процессы и т. п.). Кроме того, в выводах важно было показать, как шло накопление источникового фонда по периодам, обозначить имеющиеся проблемы и недостатки в процессе археологического изучения региона. Это бы не только сделало главу завершённой частью диссертационной работы, но и органично подводило бы к восприятию информации, изложенной в следующих трёх главах.

2. Первый параграф второй главы, посвящённый погребальному обряду алакульской культуры (с. 60–91) представляет собой аналитическую часть, без предварительно проведённой процедуры формализации. Здесь уместно смотрелась бы классификация элементов погребального обряда с указанием их удельного веса в количественном и процентном соотношении. Кроме того, излишними именно для данной части работы выглядят приводимые здесь социальные и мировоззренческие реконструкции, место которых в третьем и четвертом параграфах.

3. Реконструируя социальную структуру алакульского общества И.А. Кукушкин сопоставляет его с ведическими ариями и предполагает, что она состояла из кшатриев (колесничих), имевших наиболее высокий статус и выступавших в роли вождей, брахманов (жрецов) и вайшью (рядовых скотоводов) (с. 115). Это достаточно смелое предположение может иметь место, учитывая устоявшуюся в специальной литературе атрибуцию алакульского населения как древних индоариев. Вместе с тем, дополнительной аргументации требует выделение такой категории населения как брахманы (жрецы), а также парных погребений, демонстрирующих по мнению автора культовый символизм.

Спорным на наш взгляд является и утверждение автора диссертации о принадлежности женщин из парных погребений, снабженных ярко выраженной ритуально-культовой атрибутикой, в виде сакральных украшений к представителям жречества (с. 201–202). Это требует более развернутой аргументации. Еще более детальной аргументации требует реконструкция

И.А. Кукушкиным андроновского (почему не алакульского – *С.К.*) пантеона, состоящего из целого ряда известных индоиранских богов.

4. В первом параграфе третьей главы (с. 207–232), посвящённом погребальному обряду нуринско-фёдоровской культуры Центрального Казахстана, автор по внешним признакам выделяет три основные группы погребальных сооружений: крупные погребальные комплексы крайне высокого социального статуса, курганные сооружения усредненных параметров повышенного социального уровня и захоронения рядовых общинников, совершенные в простых оградах. Выделенным группам автор дает подробную характеристику, включающую в себя не только описание самих погребальных сооружений, но и находящихся в них захоронений. Вместе с тем определение автором статуса погребальных сооружений (и соответственно погребённых в них людей) только на основании размера погребальных сооружений и наличия или отсутствия курганной насыпи представляется недостаточно аргументированным и требует дополнительного обоснования. Выделение трёх групп погребальных сооружений вполне правомерно, однако их социальный статус, по нашему мнению, лучше было бы обозначить только в виде гипотезы, не вынося это в качестве утверждения. Также не совсем понятно зачем диссертант пытается анализировать в данном параграфе андроновский (фёдоровский) орнамент. Эта часть работы логично смотрелась бы в следующем параграфе.

5. Во втором параграфе третьей главы (с. 232–251), посвящённой вещевому комплексу и датировке базовых памятников излишним на наш взгляд является рассмотрение семантики лапчатых подвесок (с. 247). Это целесообразнее было бы перенести в четвертый параграф. Также непонятно почему в данной части работы отсутствует типология и характеристика погребальной нуринско-фёдоровской посуды.

6. Третий параграф третьей главы (с. 251–282) посвящен проблемам происхождения и социальной организации нуринско-фёдоровского общества, квалифицированного автором диссертации как теократическое. Теократический принцип организации фёдоровского общества обосновывается И.А. Кукушкиным рядом допущений вытекающих из анализа элементов погребального обряда т.н. элитных курганов, а также привлечения материалов наскальной живописи и требует дополнительной аргументации. Интересна и перспективна, но пока слабо аргументирована на наш взгляд и другая гипотеза И.А. Кукушкина о привлечении «фёдоровцами» в качестве военной силы сейминско-турбинских военизированные группы.

7. Четвертый параграф третьей главы (с. 282–314) посвящен реконструкции мировоззренческих аспектов обрядово-ритуальной практики и

семантике орнамента. Обрядовая сторона нуринско-фёдоровских мировоззренческих традиций представляется диссертанту предельно насыщенной и разнообразной. Тем не менее И.А. Кукушкин ограничивается анализом кремации, ритуалами, связанными с головой/черепом человека и семантикой орнамента на сосудах.

8. Вывод автора о ярко выраженном патриархальном укладе общества Центрального Казахстана, сделан на основании преобладания в погребениях и могильниках орудий труда и оружия по сравнению с предметами быта и украшениями, в частности женскими (с. 367). Однако сомнительно что снабжённость погребённых инвентарём или его отсутствие следует так напрямую рассматривать как признак господства в обществе патриархата. Это скорее может быть признаком социального расслоения или профессионально-трудовой принадлежности умерших.

9. И.А. Кукушкин разделяет древности периода поздней бронзы Центрального Казахстана на самостоятельные саргаринско-алексеевскую культуру с заключительным донгальским этапом (вторая половина II тыс. – IX в. до н.э.) и бегазы-дандыбаевскую культуру (XI–IX/VIII вв. до н.э.), сосуществующие на заключительной фазе позднего бронзового века. Этому отчасти противоречит присутствие своеобразной дандыбаевской керамики не только в поздних, но и в ранних погребальных комплексах, о чем пишет и сам автор (с. 399–400). Исследования барнаульских специалистов на территории степной Кулунды также свидетельствуют скорее о синхронном бытовании на одних и тех же памятниках саргаринской-алексеевской, бегазы-дандыбаевской и т.н. станковой керамики.

Отмеченные недостатки, а также высказанные замечания и пожелания не снижают значения работы, представленной И.А. Кукушкиным и не меняют её общей положительной оценки.

Диссертационное сочинение на соискание учёной степени доктора исторических наук Кукушкина Игоря Алексеевича «Материальная культура, социальная организация и мировоззрение населения Центрального Казахстана в эпоху бронзы (по материалам погребальных комплексов середины XIX–IX/VIII вв. до н.э.)» является самостоятельным и оригинальным исследованием, отвечающим требованиям, предъявляемым Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования РФ к подобным работам.

Задачи, решение которых представлено в диссертационной работе И.А. Кукушкина, имеют большое значение для развития исторической науки, что соответствует требованиям п. 9–14 «Положения о присуждении ученых степеней» (Постановление Правительства Российской Федерации от 24

сентября 2013 года № 842). Основные научные результаты диссертации отражены в 120 публикациях, в том числе в 19 статьях в журналах, рекомендованных ВАК. Автореферат соответствует содержанию работы.

Считаю, что Игорь Алексеевич Кукушкин заслуживает присуждения учёной степени доктора исторических наук по специальности 5.6.3. – Археология.

Официальный оппонент

Ковалевский Сергей Алексеевич

27.01.2025 г.

Доктор исторических наук

по специальности 07.00.06 – археология, доцент

Филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный институт сценических искусств в Кемерово» – «Сибирская Высшая школа музыкального и театрального искусства», кафедра продюсерства и общенаучных дисциплин, профессор

650056, г. Кемерово, ул. Ворошилова, 15.

Тел. 8(3842)657720

Адрес электронной почты: koval71@mail.ru

*Подпись Ковалевского Сергея Алексеевича
удостоверено.
Верный экземпляр по подлиннику*

